

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Укр)
Л 17

Оформление *Б. Протопова*

Лазорский Н.

Л 17   Роксолана и султан. Последняя тайна роковой любви / Николай Лазорский ; [пер. с укр.]. — М. : Алгоритм, 2013. — 272 с. — (Страсти в гареме).

ISBN 978-5-4438-0508-5

Николай Лазорский — украинский писатель, автор прекрасных исторических романов, которые никогда не издавались в России. Теперь же и российские читатели получили возможность познакомиться с его творчеством — прочитать великолепный роман о полюбившихся нам всем героях — славянке Роксолане и султанине Сулеймане.

Роман «Роксолана и султан. Последняя тайна роковой любви» (в оригинале: «Степной цветок») раскрывает многие загадки из жизни жены Сулеймана Великолепного Роксоланы, властной императрицы Османской империи, несчастной казачки, волшебного цветка Украины Настеньке Лисовской (в книге — Висовской).

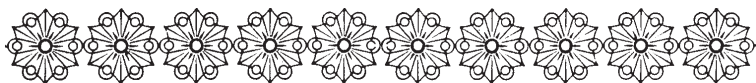
Поклонники Роксоланы будут покорены ее умом, благородством, смелостью и необыкновенной красотой, как был покорен кровожадный османский султан Сулейман, впоследствии следовавший ее советам, основанным на христианской морали... и как был покорен ею отважный казак Ярема, всю жизнь искавший свою украденную возлюбленную, а встретивший свою смерть в Стамбуле.

Это лучший исторический роман о перипетиях взаимоотношений Украины, России и Турции в XVI веке и о роковой любви Роксоланы. Впервые на русском!

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Укр)

ISBN 978-5-4438-0508-5

© Лазорский Н., 2013
© Хлебас Л., перевод на русский
и литературная обработка, 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Глава I

Необъятные степи, синее небо и цветочный ковер, стелющийся до самого горизонта! Парит орел, высматривая добычу, и вдруг взмахом сильного крыла исчезает за холмами. Он учуял опасность. Где-то далеко-далеко горят какие-то точки... Да-да... вдалеке горят смоляные куфы, а странные чубатые всадники с копьями в руках и саблями в зубах — сторожевые отряды, охранники поселков, хуторов. Они и подожгли эти куфы, а сами мчатся на конях навстречу ордынцу-татарину... Многие из наездников в кожаных азиямах и лохматых остроконечных шапках. Не дай бог попасть под аркан: сейчас же отправишься в невер-землю на каторгу.

— Дорош! — громко крикнул старый казак с мушкетом в руке и пистолем за поясом.

— Я здесь, пан сотник! — кричал Дорош, молодой казак, целясь в татар.

— Скорее бери свою сотню и в обход ордынцев, в обход слева... слева... Семена уже послал справа... Сам со своими хлопцами лечу в лоб... проклятому... проклятому...

И вдруг исчез в пламени сотен куф... Донесся крик, татарский визг, выстрелы, жуткое ржание испуганных лошадей и... Загорелась трава, и слышен конский топот в неистовом гоне... Сошлись вдруг две силы, две крепкие силы в бешеном поединке. Отряды, укрепленные крепкими селянами из ближних сел и хуторов шли стремительно против тысячной толпы обезумевшего азиата: этому азиату надо было заарканить молодых девушек и парней — самый до-

рогой товар на Востоке в те далекие опасные времена для украинского народа.

— Не пускай на Келебердянские Луки... Ефим... Ефим! Бери в кольцо татарву! Пособи Дорошу! — неистово кричал сотник, уже залитый кровью.

Но тот ничего не слышал и не оглядывался: видел только орду и только орду, которая лезла на крестьянские острые косы и падала вместе с искалеченными лошадьми. Видно по всему, орде сегодня не повезло: посты заметили ее заранее и вовремя подожгли кумы, давая знать всем о татарском нашествии. Отряды сделали заграждение, и теперь татарам вместо того, чтобы арканить девушек, приходилось сражаться с казаками. Раздраженные неудачей, они суетились и стали пускать наугад острые стрелы. Но кто-то из казаков уже успел поджечь траву в гуще наездников — значит, надо было спасаться, надо было выскочить из очага, в который неслись вслепую испуганные лошади. Татары начали отступать. А когда заметили приближение свежей силы хлопцев из поселков, и вовсе повернули лошадей к своим далеким аулам.

— Руби! руби! Гони к Волчьему Яру! — закричал сотник и вдруг упал с лошади. — Дорош, выручай! — только и успел выкрикнуть.

Дорош с двумя сотнями самых завзятых подрубил татарских лошадей: даже искалеченный конь приносил вред татарину — падал и влек за собой всадника, который уже пешком убегал в густые камыши на озерах.

— Бей, бей! — наступали молодые старшины Дорош и Семен. — Ребята с косами за нами!

Татары неожиданно развернулись и помчались к татарским оврагам, где было уже легко спрятаться... Хлопцы не гнались за ними.

И вдруг стало тихо...

В сумерках казаки подбирали раненых, убитых и клали на повозки. Нашли тяжело раненного старшину. Превозможная боль, он прошептал:

— Немного продырявили меня, но ничего: ордынцы ушли несолоно хлебавши и не скоро сунутся сюда. Везите раненых в Нехворощ — отсюда ближе всего, а мертвых в братскую могилу... Не торопитесь! Татары уже второй раз не вернутся, я знаю их обычаи... Никого не заарканили? — Спрашивал раненый, осматривая поле.

— Нет... в селах люди схоронились — спрятали стариков и детей, а девушек вывезли ближе к Полтаве, — говорил Дорощ, перевязывая полотенцами пана старшину.

На степь опустилась ночь... Тихо стало здесь, словно ничего не случилось. Кое-где догорали куфы, и где-то ржал раненый татарский конь...

У «хвыгуры» казаки варили кашу, поглядывали на темную степь и тихо обсуждали сегодняшнее страшное событие. Закончилось все благополучно, и все же были и порубленные и убитые.

Когда ордынцы были разбиты на Синих Водах и хан Батый убежал за реку Волгу, наши пышные степные просторы начали заселять крупные украинские магнаты — победители татарских орд — князя Михаил Глинский и Александр Вишневецкий.

Еще дед князя Михаила, старый князь Глинский, охотно поощрял заселение народа на плодородных украинских степях, помогал инвентарем и, главное, давал вольную. Но люди все же не торопились. Не смотря на то, что Батый убежал, остались еще крымские ордынцы, оседлая часть Золотой Орды. Осели они по соседству со Степной Украиной и часто вместе со своими ханами нападали на мирное население. Заселялись в степях разве что самые смелые, и только ради воли. Эти степняки, или как их тогда называли «уходники», рисковали жизнью, но все же «уходили» все дальше и дальше в так называемое «Дикое Поле», запахивали там все новые и новые заимки: если в степи маячил одинокий тополь и торчал почерневший дымарь, значит, здесь осел займанец, пропахал свежую борозду на заимку.

Сам князь Михаил еще больше заботился о заселении степных просторов: при нем этих займищ было уже достаточно много. Он заботился об укреплении крупных поселков и городов от нашествия ордынцев. Сам он жил в своем огороженном валами с гаковницами имении «Глинском» над рекой Ворсклой, недалеко от Полтавы (старое название — Олтава). В окрестностях этого старого города уже стояли деревянные (рубленые) башни, на которых круглосуточно несли вахту смелые казаки. Был он обкопан еще и глубокими рвами, полными воды. Внутри города вырыли подземелья, в которых скрывались женщины, дети, старики и немощные: все мужчины и парни были завербованы на войну с похитителями-татарами. В укрытия свозили и провиант: печеный хлеб, пшено, питьевую воду в бочонках, платки, которыми перевязывали раненых, запасное оружие.

— Запас беды не сделает, — говорил опытный князь, — укрытие понадобится и для людей, и для продуктов, и для оружия. Береженого Бог бережет, — и благоговейно пристился, глядя на башни — добросовестно ли несут вахту часовые: за непослушание или леность строго наказывал пранкгером, такой уж он имел нрав.

Полтава в старину была, так сказать, передовым форпостом против диких татарских орд и первым городом, поставлявшим на остров Хортица (на Днепре) Запорожскому войску не только муку, сало и крупу, но и мушкеты, пистолы, гаковницы, мортиры, копыя и сабли. Ибо в самом городе жили разные ремесленники, которые умели и шапки шить, и сапоги тачать, и изготавливать всякое оружие или чинить заморское, которое было ими добыто у турок-янычар, ляхов и валахов. Сечь была упрочена такими казаками-князьями, как Байда-Вишневецкий, Дашкович и Самуил Зборовский. Это был грубый, жестокий век, который и порождал неистово-задиристых воинов, умевших меряться силами и с янычаром, и с польским драгуном-крылатым и с самим турком-османом.

Вторым колонизатором был староста каневский и черкасский — Александр Вишневецкий, магнат и потомок Владимира Великого. Поселился он на Лубенщине в конце 15-го века. При нем были заселены Засульская и Запсельская округи. Колонизация ширилась из года в год и продвигалась к уже заселенным пунктам Заворксклянского региона. Заселение земель магнатов Вишневецких проходило быстрее, потому что земли те лежали ближе к опорным пунктам (Киев, Канев, Черкассы) и дальше от устрашающего тогда «Дикого Поля». На этих широких просторах стараниями новых магнатов расцветали города и промышленные территории, такие как Лубны, Ромны, Прилуки, Золотоноша. Все они были окружены селами и богатыми хуторами издавна. Сами Вишневецкие осели в Лубнах, откуда и управляли своими богатствами, доходившими до реки Ворсклы. Полтава уже тогда вошла в орбиту экономических и культурных связей Лубн, которые впоследствии стали центром духовной жизни всей Вишневетчины.

Селяне и разные «займанцы» стали привыкать к жизни в степях. Находились и такие смелые, которые продвигались ближе к татарским границам, хотя и смотрели со страхом на таинственное «Дикое Поле». Еще деды и даже родители хорошо помнили крымских и буджакских nomадов, знали и Менгли-гиреевских татар, которые даже забегали под самый Киев, топтали пшеницу на Волыни и Подолье и гнали на невер-землю красавиц-подолянок.

Но в эти дни в степи еще было тихо, и ордынцы только присматривались издали, никого не трогали. Степь нежилась в роскоши своей красоты и молчала...

Все богатые села и слободы были окопаны глубокими рвами, ограждены заборами и плотами, собрано хорошее товарищеское войско. Записывались в него и семейные, и хлопцы. Старшин выбирали из тех, которые хорошо знали военную муштру и умели управляться с мушкетом, копьем, саблей. Строили башни не только в окрестностях села, но и намного дальше ставили по углам пикеты. Ча-

совые охраняли днем и ночью. Где-то в балке непременно была вырыта умело замаскированная землянка, в которой отдыхали посты, тогда как десяток или два казаков охраняли широкое поле. Время от времени часовой лез на вышку-хвыгуру и внимательно осматривал степь. Опытный казак сразу мог разглядеть опасность: татары по обычаю подкрадывались ползком, после разбивались в густой траве на мелкие отряды полукругом. Замкнув село таким способом, они выскакивали на лошадях и с криком летели до первых хат уже с факелами, и все сжигали. В селах и городах люди всегда были наготове. Как ни умели скрываться татары, все же им не удавалось незаметно подкрадываться: движение разоблачала колышущаяся трава, испуганная степная птица, остроконечная татарская шапка, временами возникавшая над травой, лошадиная голова, длинное копьё. Часовой предупреждал криком, есаул проверял поле и тут же давал знак поджигать просмоленные пустые куфы. Такие куфы ставили в стороне пирамидой в ряд, гона за два друг от друга по направлению к самому селу или к городу. У каждой пирамиды дежурил поджигатель с дегтярной тряпкой: жег только свою куфу, давая тем самым знать соседнему пикету об опасности. Соседний пикетчик немедленно поджигал свою куфу, за ним то же самое делал второй, третий, десятый. Через мгновение весь горизонт покрывался пламенными точечками. Села уже знали, что летит к ним страшный гость: женщины, дети и старики бежали в укрытия, кто бежал с камышом к реке или к пруду, погружался с головой в воду и дышал через эту самодельную трубку. Кто умел, тот хватал оружие и на коне летел навстречу лютому грабителю.

Такая тяжелая жизнь была у пахаря в селе, ремесленника в городе в те далекие суровые времена... Без мушкета пахарь не выходил в поле, а ремесленник, работая, время от времени поглядывал на саблю и ружье, которые висели рядом на колышке.

Турецкий лучник

Князь Михаил Львович Глинский приехал в свои приворсклянские имения ненадолго. Ему надо было осмотреть свое добро, посмотреть, много ли ущерба нанесли ордынцы гиреевские и много ли погнали пленных к турку. Казалось, на этот раз обошлось без больших потерь: ордынцы, слышал он, были слишком обременены подольскими и брацлавскими пленниками и торопились бросить опустошенный край как можно быстрее. Вишневетчина была затронута с краю. Больше всех было напугано селянство: кое-кто из займанцев убежал в Полтаву, Золотоношу и Лубны. Остальные не знали куда податься. Князь разослал гонцов возвращать селян на старые гнезда, ублажать волей и дармовой хозяйственной утварью, убеждал не бояться татар, потому что в Полтаве и Лубнах, и в самом Глинском следит за ордынцем хорошее войско, татарин не осмелится сюда сунуться. И, тем не менее, займанцы не торопились возвращаться.

Между тем князь получил от гонца весть. Его срочно звал в Краков новоизбранный польский король, он же и великий князь литовский Сигизмунд Первый по кличке «Старый». Также сообщалось, что предыдущий великий князь литовский, «любимый князь Александр», скоропостижно скончался. Теперь уже преемник незамедлительно звал князя Глинского на совет, а заодно и на пышные похороны умершего Александра.

Князь задумался... Никак не ожидал он такой беды: при дворе плелись коварные заговоры, он сам имел там много врагов среди завистников. И было чему завидовать: на Украине в то время он был первым человеком. И в сейме всегда отстаивал интересы шляхты своего края. В юности долгое время жил за морем, изучал право в Германии, служил при дворе императора Максимилиана, несколько лет был и министром у Альбрехта курфюрста Саксонского. Тогда именно его и призвали в Краков. При дворе короля Александра он служил маршалком, то есть занимал должность первого ранга. Задумал он тогда законодательно упорядо-

чить жизнь всего православного люда и всей православной шляхты, потому что и сам был православным и набожным шляхтичем. Здесь, в Кракове, на сеймовых собраниях он неоднократно упрекал поляков и литовцев. Считал, что польские паны злоупотребляют своими привилегиями, не заботятся о народе левобережной Украины, присваивают себе не только земли, но и само право на владение краем — Киевской Русью. За ним стояла вся украинская знать и даже знать белорусская. Все это очень беспокоило краковский двор и само литовское рыцарство.

На сеймовых собраниях временами случались и досадные недоразумения. Например, когда князь требовал для Руси-Украины права на свое законодательство, свои государственные институты, литовцы, а за ними и поляки, злобно доказывали, что князь забывает имя того, кто на Синих Водах разгромил «Золотую Орду». Разгромил ее великий литовский князь Ольгерд (в 1360 г.). Так что своими требованиями князь и маршалок Глинский грубо нарушает права победителя: победитель — Большой Ольгерд, имеет все права на освобожденные от татар земли, его права переходят и к его потомкам — элекционным королям, а значит и самому народу, т.е. к полякам и литовцам, объединенным в одно государство. Такой, мол, закон победителя считается справедливым и безапелляционным. Напрасно маршалок двора доказывал, что на Синих Водах били Золотую Орду не только литовские рыцари, а били их и православные воины из Вишневетчины и Глинщины. Но его мнение еще больше раздражало и литовцев и поляков, которые утверждали, что по всей Украине одинаково царит литовское и магдебургское право, иного права Сейм не даст. Еще тогда здравствующий король Александр пытался уладить дело, помирить «славных русинов» с правдивыми рыцарями. Видел, что князь Глинский уже имеет немалую силу: вся православная шляхта упорно отстаивала свое право глубоких реформ в Родном Крае вплоть до от-

деления Украины от этих двух католических держав. Некоторые шли еще дальше: защищать древнюю Киевскую Русь с оружием в руках, а если не будет на то доброй воли — искать союзника. И указывали на Москву.

Так бурлила древняя Русь-Украина, особенно Левобережная, которая была довольно далеко от неожиданных сюзеренов Литвы и Польши. Здесь, по соседству с «Диким Полем», где уже на Хортице формировалась новая военная Сечевая сила, никто и не думал отдавать Вишневецчину в жертву ляху-литовцу. Слышали об этой силе и казацкие старшины и крупные магнаты — все дети степи настороженно прислушивались к тому, что скажет лучший и любимый князь Глинский и его побратим Дмитрий Вишневецкий, который «закалял свою саблю в самом аду». Русины — православные князья, такие как Сангушко, Глинские, Вишневецкие, Дрожди, Корецкие и другие уже создавали свои отважные отряды.

Так было на Украине, когда князь Михаил Глинский, наконец, собрался в путь. Пошел он летом с небольшим отрядом. Вместе с ним отправился и молодой Ярема Сангушко, который вез письмо от старого сотника Висовского к дочери Настеньке, жившей вот уже четвертое лето в Чернигове при Елецком монастыре вместе со своей старой тетей, сестрой пана Висовского. Небольшой отряд, состоявший приблизительно из сотни казаков во главе с князем Михаилом Глинским, двигался из приворсклянского имения в Киев. Пан Ярема Сангушко вынужден был податься правее на Чернигов. Вельможный магнат знал, зачем туда едет молодой его друг и помощник. Он даже выделил ему из своей сотни двадцать отборных казаков. Уже по дороге в город они узнали от тамошних старшин, что прошел тревожный слух, будто поляки собираются перекрестить казачество и простолюдинов в латинскую веру. Слух тревожил, несмотря на то, что казался полной выдумкой. Возле Киева князь стал прощаться.

— Ну, пан Ярема! Попрощаемся здесь, не будем терять зря времени, — говорил князь, обнимая молодого человека. — Чует мое сердце, встреча в Вавеле не будет доброй.

— Почему? — удивленно посмотрел молодой пан на своего старшину.

— А потому, — неохотно кивнул князь, — что много при новом короле шептунов и ляхов, и литовцев. Не люблю я ни тех, ни других. И они косо смотрят на нас: все думают, как бы покрепче обуздать. Опасаюсь, как бы не заварили кашу. Однако я не из тех, кто сдается на милость врага без боя... Нет... померяемся еще силами...

— А может и не дойдет до этого? — осторожно спросил Ярема.

Пан Сангушко хорошо знал все дворцовые распри. Да и в пути наслушался плохих вестей, особенно про ляхов, которые замышляли сделать всю Украину польской от края и до края. Как и все, другие православные магнаты, Сангушко всем сердцем был заодно с «православным братством», как здесь величали себя сторонники православной веры «древнего Киевского государства». Он обнял своего старого старшину и молча повернул коня на Чернигов.

— Вдруг в Чернигове что не так — немедля отправляйся с невестой обратно в Санджары, — крикнул вдогонку князь. — Там жди меня и ни в коем случае не гони коня на Краков. Слышишь? В Кракове нам не место, там хуже, чем в «Золотой орде»!

С тем и помчался к новому польскому королю. «Как встретит король, — думал он, — калачом, или бичом? Посмотрим...»

Пан Ярема уже вечером был в Чернигове. Собрался, было, в прославленный Елецкий монастырь, но его коня неожиданно взял под уздцы старый суровый монах и грозно спросил:

— Куда повернул коня, пан Ярема?

Пан Ярема удивленно посмотрел вниз на того, кто так крепко держал его коня, и вдруг его осенило: он узнал монаха.

— А-а-а... святой монах Паисий... — И спрыгнул с коня.

Монаха он знал хорошо: это был седой, высокий и худой, как жердь человек. Он был из тех монахов, которые не единожды отбивали татар от крепких стен святой обители. Говорил остро, будто чеканил каждое слово — привык так разговаривать и в церкви с прихожанами. Здесь его можно было видеть везде — в церкви, на улице, в монастырской типографии, только не в своей келье. Чаще работал в типографии, где печаталось много святых книг, панегириков и сказаний. Все знали этого духовного пастыря, очень уважали «зело мудрого» и неутомимого монаха. Почитали «зело мудрого» и неутомимого монастырского труженика. Говорили: хоть и строгий монах, но это только на первый взгляд, на самом деле искреннее, незлобивое сердце у него, и всегда поможет в беде.

— Откуда и куда? — спрашивал монах, глядя вопросительно на молодого путника.

— Из дома к вашему богоспасаемому граду Чернигову, — улыбнулся пан Сангушко.

— Гм... пожалуй, что мы молимся не так, как положено истинному христианину молиться, — сказал старый монах. — Нехорошо у нас.

— Что вы говорите, святой отец! — почти крикнул молодой пан. — А что, случилась беда?

— А разве вы еще не знаете? — тоже спросил монах. — Поляки, милостивый пан, наш монастырь разорили, и храм наш осквернили... — И внезапно заплакал.

Пан Сангушко молча смотрел и ничего не понимал.

— Как, когда, зачем? — спросил он.

— Да разорил лях, то же сделал когда-то и ордынец с Киевской Лаврой, — говорил тихонько монах, вытирая платком глаза. — Ранней весной сотворил это: наехал с заездом и разгромил, еще и кричал, что громит «еретическое

гнездо», говорил, что здесь, в этом граде, не будет более господствовать «схизма», всех, мол, обратят в латинскую веру, а из нашего Успенского храма сделают латинский костел.

— А монахи как? А госпиталь, школы?

— Все разрушили, больных разогнали, школы тоже разрушили. Школяры и все старшинские паны разбежались кто куда... Нет там никого: может, кого ищете — так это бесполезное дело.

— Да, я еду с письмом к старой пани Висовской и к ее племяннице, панночке Настеньке, от пана сотника Висовского.

Монах покачал головой.

— Там никого нет. Наш настоятель уехал в Краков с жалобой на ляхов. Говорят, новый король обещает навести порядок. Может, он и действительно хороший, Бог его знает. Добрый он, хороший пока для панов магнатов, для простонародья же — даст Бог. Но разве можно за один день починить то, что разрушили его слуги минимум на четверть века! Не верю я польской доброте, от них только и слышишь: «пся крев» и угрозы облатинить и укрепостить.

— Как добраться до пани Висовской?

— А пани Висовская с племянницей живут в своем имении здесь, недалеко. Могу показать...

— О, я очень хотел бы, святой отец. Только не знаю, как быть с моим маленьким отрядом.

— Скажите, чтобы шли за нами. У пани Висовской найдется уголок для вашего отряда, найдется и кусок хлеба.

Через десять минут всадники уже стояли у ворот усадьбы старой пани Висовской.

Встреча пани Висовской и племянницы Настеньки с молодым гостем из Глинщины была радостной, но в то же время с печалью и страхом, и мыслями о том, что принесет завтрашний день. Пан Сангушко знал старую Висовскую, виделся с ней неоднократно, но в Чернигове встретился впервые в ее усадьбе. Настенька нежно поцеловала его, по-

дошла под благословение священника Паисия и вежливо попросила обоих присесть. Она была хрупкой девушкой с гибким станом, кроткими черными глазами и длинными русыми волосами. Жила она у своей тети с Пасхальных праздников. Воспитывалась в школе при Елецком монастыре и уже кончала науку, как неожиданно произошла большая беда, о которой говорил монах Паисий. Это была горькая правда, более того, святой монах что-то не договаривал, молчали и женщины, чтобы не причинить боль молодому путнику: поляки надругались и над знаменитым по всей Украине Успенским собором, разбили иконостас и алтарь, изрубили иконы. Известный на всю Черниговскую округу ксендз Бонифаций Чарковский, истинный иезуит, торжественно освятил новый престол, всю церковь и призывает мирян каждое воскресенье приходить на молитву.

— Мы не ходим, даже не выглядываем на улицу... может все это и неправда.

— Нет, правда, — неохотно сказал пан Сангушко. — Об этом мне говорили черниговцы еще по дороге к вам, только я не поверил, теперь вижу, что все — горькая правда.

— Может новый король не позволит такого надругательства над православной верой, над нашим народом, ведь мы не поляки, а русины-православные, — говорила испуганная пани Висовская.

Все почему-то надеются на нового короля, — улыбнулся отец Паисий. — Может он и действительно запретит такое кощунство, и только неизвестно, выполнит ли его приказ распутная шляхта. Вот, что меня беспокоит.

— Услышим, что скажет нам наш князь: он сейчас в Кракове, — сказал пан Ярема.

— Князь Глинский в Кракове? — удивленно спросила пани Висовская. — Не побоялся туда ехать?

— А почему он должен бояться? — тоже удивился пан Ярема.

— Да... я слышала... разные ходят слухи, — и старая пани замолчала.